

Юрий Михайлов

*Семь буханок
чёрного...*

Сборник рассказов

Юрий Михайлов

Семь буханок чёрного...
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Михайлов Ю.

Семь буханок чёрного... Сборник рассказов / Ю. Михайлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831116-1

«Семь буханок чёрного...» — новая книга Юрия Михайлова. Её герои живут как в советской стране, так и в новой России. Жизнь их складывается непросто: коммуналки, неустроенность, бедность, тяжёлый труд ради выживания... И тем не менее, они по-настоящему любят, умеют крепко дружить и жертвовать собой.

ISBN 978-5-44-831116-1

© Михайлов Ю.
© Издательские решения

Содержание

Поздние соловьи	6
Семь буханок чёрного	10
Дети и внуки бобыля	13
Полюсы недоступности	18
Миллиончики	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Семь буханок чёрного...
Сборник рассказов
Юрий Михайлов

© Юрий Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-1116-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поздние соловьи

Сына, родившегося в семье Василия Колышкина, героя войны, вернувшегося зимой 45-го домой инвалидом первой группы, назвали Вадимом. До него в семье уже было четверо ребят. И вот – дитя Победы. Он оказался здоровым пацаном, который рос как и все мальчишки многоквартирного муравейника, именуемого в документах общежитием ткацкой фабрики. На четырех этажах кирпичного дома размещалось порядка семидесяти комнат, с общими кухнями, туалетами и умывальниками. Однако была горячая и холодная вода, а в подвале располагалась прачечная с несколькими ваннами и душем. Жили, как говорится, даже с некоторым социальным «комфортом».

Отец

Они идут с отцом по разбитой подводами осенней дороге, как две странные тени. Одна, покрупнее, сгорбившаяся, волочит по грязи ногу, подпирая ее самодельной еловой палкой. На отце фуфайка без карманов, обшитая черной технической марлей, которая закручивается под коленями и мешает идти. Одежда напоминает брезентовые накидки грузчиков, в которых они, матерясь и сморкаясь, таскают по дощатым настилам тяжеленные мешки.

Отец еле дышит, часто останавливается, на сына не обращает внимания. Вадим то и дело забегает вперед, старается схватить свободную руку отца, чтобы идти рядом. Не выходит: тот зажал в руке носовой платок, сделанный из выцветшей наволочки и подрубленный по краям грубым швом. Вытирает лоб, одновременно поднимая огромных размеров черную драповую фуражку, кажущуюся сыну жуком—плавунцом, вдруг надумавшим взлететь в небо.

– Папа! – Запинаясь за палку, вскрикивает сын и падает отцу под ноги. – Па – па... – уже сдавленно, стараясь отползти от падающего на него тела, хрипит мальчик. Отец не смог сгруппироваться, выставить вперед руки, рухнул набок, спасая сына. Его безжизненная нога застряла в колесной колее. Они возятся в холодной жиже, один тихо поскуливая, второй – бормоча что-то невнятное и пытаясь нащупать во внутреннем кармане фуфайки лекарство, полученное в аптеке. Инвалидам войны его отпускают бесплатно, но завозят в поселковую больницу крайне редко.

Вадим грязными озябшими руками тащит отца за локоть. Мальчик беспрерывно повторяет: «Папа, папа, давай, подымайся, папа...».

Как Вадим оказался вместе с отцом на этой дороге – мама ли дала его в провожатые или сам попросился, – он не помнил.

Еще один эпизод застрял в голове у Вадима, но сместился и в пространстве, и во времени. Он до сих пор не смог бы сказать, когда это произошло: до дороги в аптеку или позже. Но это и неважно, он хранил его в памяти и никому не рассказывал, даже родным братьям.

Послевоенные мальчишки курили дешевые папиросы и сигареты «Пушка», «Прибой», «Север», почти не прячась. Малышня, семи-восьми лет, подражая им, набирала «бычков» – окурков, уходила в овраг, в который была протянута внушительных размеров труба для водосброса, забирались внутрь ее и смолили эти окурки. Вадим не отставал от приятелей, и «бычки» собирал, и смолил их как заправский курильщик. Об этом знал только средний брат, кстати, игравший в футбол и не куривший совсем. Но он молчал, наверное, стараясь поддерживать авторитет младшего брата.

После очередного похода к трубе мальчишки выбирались из оврага не по тропинке, а напрямик, по крутому склону, хватаясь за стойкие кусты полыни и стебли лопуха. Вадим и не заметил, как оказался на кромке оврага и почти носом уперся в живот отца. Тот стоял, подпираясь палкой, не еловой, а аптекарской, светло-желтой с ручкой и резиновым наконечником. Взял сына за руку, повел к дому. На краю зеленой канавки у футбольного поля отец

присел на траву, достал из кармана пиджака кисет, рулончик газеты и протянул все это хозяйство сыну. Вадим не боялся, он не знал, что такое отцовская порка ремнем.

– Я не хочу, – сказал сын. – Уже накурился, – и тяжело вздохнул, показывая, как противно ему после окурков.

Отец умело, не спеша, скрутил самокрутку, прикурил от спички, затянулся. Молчал, снова затянулся, сказал, выпуская дым:

– Надо мать предупредить, что в доме появился новый курильщик. Это плохо, потому что денег не хватает даже на одного курящего. Придется мне бросать курить, это непросто, я всю жизнь курю, привык... Кашель замучает, доконает он меня, я знаю, пробовал уже не раз бросить эту заразу.

Молчал отец долго, уже погасла самокрутка, он заплевал ее, затер в землю.

– Может, бросишь курить-то, сын, тебе ведь легче, ты, думаю, еще не привык?

– Брошу, – сказал Вадим. – Мне все равно не нравится. Тошнит и голова кружится. Брошу, пап...

Он помог отцу подняться с травы, передал ему легкую отшлифованную палку, и они пошли, обнявшись, к дому.

...Мать знала о приближающейся смерти мужа. Она отделила в огромной комнате угол, где Вадим спал вместе со старшими братом и сестрой. Мальчик помнил стоны, яркий свет и приход врачей «Скорой помощи», хруст и сдавленные крики отца, лежащий у перегородки ком желтоватых простыней, насквозь пропитанных кровью. Потом – тишина, сон, кажется, что мгновенный, лучше бы его не было, и голос мамы: «Сынок, проснись... Папа хочет с тобой проститься... Умирает».

В открытое настежь окно струился молочный свет, неслись трели последних июньских соловьев. Почему они так надолго задержали свои свадьбы в эту весну, оставалось загадкой. Как и то, что они могли жить и размножаться в хилой рощице из недавно высаженных на склонах оврага лип и тополей, петь рядом с работающей дни и ночи фабрикой.

Мальчик подошел к широкой железной кровати, где поверх белой простыни лежал худой маленький человек. На тумбочке, рядом, на белом платке выстроились в рядок разноцветные, как в трубке калейдоскопа, награды фронтовика. Было душно, у Вадима кружилась голова, он не мог смотреть на белые холщевые кальсоны и рубашку с длинными рукавами, в которые одели отца. Тот молчал, ничего не говорил, смотрел на Вадима. Он даже руки не мог поднять. Только смотрел и молчал. Сын не знал, что делать, хотел заплакать или спросить: «Как это – умирает?».

Мама погладила голову сына, тихонько подтолкнула к отцу. Вадим наклонился и поцеловал умирающего отца в плечо. Круто развернулся и бросился к маме. Повис на шее, целовал лицо и, как в бреду, повторял: «Как умирает?! Зачем умирают, мама?! И ты умрешь, маа-маа...?!»

Она гладила волосы сына, молчала. По щекам текли слезы. В окно врывались сольные партии маленьких, неказистых с виду птах.

...Дождь на кладбище хорошо запомнился мальчику, мокрый лоб отца, накрытый саваном, в который он ткнулся губами. А потом всё: ни единой картинке об отце не сохранилось в его памяти.

Мама

...Внешне мать спокойно перенесла смерть мужа, на поминках изрядно выпила, пела тоскливо, с подвыванием:

Оха, оха,

Бис-с-с Васятки плоха,

Куда ни повернис-ся,

Кричат посторонис-ся...

Потом начинала плакать, навзрыд, роняя голову на руки, размазывая слезы по лицу. Успокоившись и выпив еще домашней браги, она как-то тупо смотрела на пятерых детей своих, старшему из которых, летчику, было чуть больше 20, младшему – восьмой год. Вадим ушел с поминок во двор, там его ждали.

– Ну, чо, принес браги? Чо так долго-то? Мать твоя давно забухала, а ты сдох со страху. Хезун маменькин, – орал Петька Молотилов, ученик вспомогательной школы для умственно отсталых детей. Его все звали Дебиллом.

– С братом говорил. Вот он передал вам бутылку и конфет. Сказал, чтобы вы помянули отца.

– Брательник у тебя чо надо. Это не фраер, летчик...

И заорал во все горло:

Мама, я летчика люблю,
Мама, за летчика пойду!
Летчик делает посадки
И ... – без пересадки!
Вот за это я его люблю!

Все ржут, но по-хорошему, Вадим это чувствует и гордится своим старшим братом. Бутылка пошла по кругу, пацаны пьют брагу жадными глотками, нехотя отрываясь и закусывая шоколадными конфетами «Буревестник». Всем поровну, все по-братски. Дошла очередь и до Вадима. Он делает глоток, замирает от приторного сладковатого вкуса напитка. Потом чувствует спазм в животе, успевает передать бутылку кому-то из пацанов и бежит к забору. Его выворачивает наизнанку. Слышит, как говорят: «Во, козёл, всю брагу взбаламутил! Даже пару глотков не смог сделать. Учился бы, гад, у своей матери бухать».

Вадим до сих пор считает, что маму сломали обстоятельства. Она редко напивалась, старалась уходить от угощений, застолий, то одних, то других случаев: свадеб, поминок, бесчисленных дней рождений, происходящих в этом живом муравейнике ежедневно. А мама, будучи безграмотной женщиной, не умевшей кроме того, чтобы расписаться в документе, ни писать, ни читать, слыла хорошим оратором. Последовательно, логично и обстоятельно она говорила про человека такие простые и теплые слова, без фальши, искренне, что ее приглашали на любое семейное торжество. Конечно, все знали, что Серафима Ивановна может сорваться, перебрать свою норму, боялись этого, но не приглашать ее было неприлично.

...В парке культуры и отдыха, цветнике организованного досуга, горожане любили рассаживаться на пологом берегу реки: пили, ели, снова пили, пели песни и даже устраивали коллективные пляски – Елецкого или Семеновну. Ссорились редко, драк практически не было: женщины зорко следили за своими мужьями, предотвращая любые инциденты. Серафима Ивановна угощала подружку Анну Павловну, поминали, царствие ему небесное, отца Вадима. Десятилетний пацан находился неподалеку, катался на самодельной карусели.

Потом он смотрел показательные выступления на водоеме, которые устроили пловцы из сборной города. Месяц назад мощный земснаряд расчистил и углубил русло реки в несколько раз. Любопытные зрители постепенно собрались на берегу, смотрели, даже стали аплодировать победителям заплывов наперегонки. Красиво плавали ребята, молодые, с мощными торсами, длинными гибкими руками. Вадиму очень хотелось стать спортсменом, научиться также быстро плавать.

– Тонут! Одна утопла!! – Орала несколько женщин, бегая по берегу и зовя на помощь мужчин. У Вадима екнуло сердце. Он бросился к затону, переполз через кучи песка вперемежку с иистой землей, которые остались после земснаряда. Краем глаза успел разглядеть, что

в двух метрах от берега барахтается тетя Нюра. Матери не видел. Не снимая майки и шаровар, плюхнулся в воду. Так и кружил по водной глади. Его маленькое сердечко цепенело от страха и ужаса.

Увидел, наконец, что двое спортсменов кого-то рывками толкают по воде, поддерживая несчастному голову. Вадим отчаянно заработал руками, догнал пловцов уже вытаскивавших безжизненное тело на берег. Это была... его мама.

Спортсмены делали матери Вадима искусственное дыхание, бюстгальтер сорвали, груди разъехались по бокам, большие, белые, они мешали спасателям работать. Вадим присел на траву рядом с телом, снял майку и постарался прикрыть мамину грудь. Соседи подсовывали плотную скатерть под спину Серафимы Ивановны. Она не реагировала, голова ее качалась из стороны в сторону в такт искусственному дыханию.

Вадим закрыл лицо маленькими ладошками, плакал навзрыд. «Все, все, конец, – думал он. – Господи, помоги, оживи. Очнись, мама!» – Шептал Вадим.

Он не заметил, когда мать задышала. Уже лежа на боку, она издала трубный звук, ее обильно вырвало. Запах перегара пополз по всему берегу реки, будто в этом месте мыли старую бочку из-под браги с мертвыми перебродившими дрожжами. Врач «Скорой помощи» надернул на нос маску, а когда Вадим с матерью были в машине, негромко, но внятно сказал: «Бог любит...». Он посмотрел на Вадима и не стал добавлять слово «пьяниц».

После трагедии в парке Вадим ни разу не видел мать не только выпившей, но даже подносящей рюмку к губам. Она ничего не говорила, не объясняла, просто перестала замечать вино.

Но до самой смерти мамы Вадим не мог простить ей пережитого ужаса. Все годы, больше двадцати лет, Серафима Ивановна чувствовала напряжение в сыне. Она стала бояться его, заискивала перед ним, словно ребенок. Вадим все понимал, но ничего не мог с собой поделать. Давал деньги, покупал вещи для матери в командировках, но это не меняло главного: он не мог обнимать и целовать ее так, как делал это мальчиком в ночь смерти отца. Когда пели такие поздние соловьи...

Семь буханок чёрного

Валька первым перешёл речку. Труссы и майку держал на голове. Иногда вода доходила до подмышек, щекотала кожу. Давно не стриженный, с густыми русыми волосами, он выглядел старше своих девяти лет. Сейчас он проползёт жёсткую прибрежную осоку, заберётся на старую иву и осмотрит нижнюю часть огромного поля с огурцами, раскинувшегося по всей излучине широкой и неглубокой на плёсе реки. Дело знакомое: он отследит, как сторож на старой совхозной кляче с берданкой в руках объедет ближний к воде участок и удалится за пологий холм.

На всё про всё – полчаса, если сторожа, конечно, никто не задержит по дороге. Тогда счастье подвалило, можно не психовать, даже съесть прямо на поле несколько пупырчатых, нежных и сладковатых на вкус огурцов. «Как же хочется жрать, – думает Валька, – может, сначала самому нарвать огурцов? Нет, подлянка будет...» Он машет синей майкой, его худенькое тело на дереве хорошо видно с противоположного берега. Пацаны, без суеты, почти ровной шеренгой входят в воду, несколько минут – и они на огуречных бороздах. Не вставая в рост, почти ползком передвигаются по полю. У старших в руках мешок на двоих, младшие собирают огурцы в завязанные сверху узлом майки.

Не доглядел Валька, не увидел, как с левой стороны поля, оттуда, где вершина холма и шалаш сторожа, к пацанам мчатся несколько всадников. Они, не разбирая дороги, топчя борозды, стремительно приближаются к мальчишкам. В руках у них длинные, с алюминиевой проволокой, плётки, двое с палками.

– Атас, пацаны! – Заорал фальцетом Борька Головкин, предводитель ватаги. – Тикай, в осоку!!

Поздно... Вальку, успевшего добежать только до приречной дороги, окружили двое всадников, стали стегать плётками. Кони старые и ленивые, но от бега разгорячились, их трудно удержать на месте. Мальчишка увёртывается, лавируя между лошадьми. Но вот точный удар плёткой по спине, и кожа будто треснула, кровь хлынула на поясницу и ноги.

– Дяденьки! За что? Ой, больно... Ой, как больно...

Он крутился волчком, умудрялся залезать под брюхо лошадям, но его выталкивали палкой и снова стегали по худенькому и гибкому тельцу. Валька не мог больше сопротивляться, лёг в дорожную пыль и закрыл голову майкой. Из неё выпали три пупырчатых зелёных огурца.

– Ах, вы так, гады! – Взвился Борька, остановившийся на секунду в воде и увидевший, что творят совхозные парни с Валькой и двумя другими мальчишками. – Пацаны! Назад! Бейте, сволочей! – И вся ватага развернулась, стала шарить руками по дну реки, пытаясь нащупать булыжники. Борька достал складной охотничий нож, подарок отца после окончания седьмого класса, и пошёл на всадников. Деревенские парни опешили: уж больно дурная слава ходила об их соседях, живущих через реку, в городском окраинном посёлочке. Да и многовато их выходило на берег. Бросив палки, деревенские, как бы нехотя, пытаясь изобразить на лицах нежелание связываться с сопляками, потрусили приречной дорогой на холм, к шалашу. Там всё-таки существовала реальная берданка.

...Валька лежал лицом вниз. На спине несколько вздутых шрамов от ударов плётками и бороздки пыли, по которым сбегала кровь, такая алая и яркая, что мальчишки остановились, как вкопанные. Борька первым наклонился над малышом, осторожно поднял его и положил себе на плечо. Мальчик застонал, глаз не открыл, тонкие руки висели как плети.

– Пацаны, берите палки этих козлов... Они ещё ответят нам за всё! Сань и ты, Колька, сымайте шаровары, палки – суйте в штанины... Так, законно получилось, как носилки. Берём Вальку и пошли, я после реки меняю Саньку, ты, Пузырь, – Кольку. А то они без штанов, неудобно по посёлку-то шастать.

Процессия напоминала похоронную, переправились умело и спокойно, на середине реки Вальку специально окунули три раза в воду, смыли кровь и пыль. Он ожил, открыл глаза, лёжа на животе, крутил головой по сторонам, сплёвывал воду. Сказал, больше обращаясь к Борьке:

– Всё нормально, пацаны, сам пойду... А то папка узнает, попадёт, как миленькому.

– Лежи! – Сказал Борька. – Не дай Бог, заражение крови будет... Чо делать-то тогда?

Дома у Вальки кроме сестрёнки никого не было. Катька, увидев брата, не охала, не кричала, хотя была старше всего на два года. Она метнулась к посуднику у кухонного стола, нашла пузырёк с зелёной и вернулась к брату, которого пацаны еле удерживали на самодельном диване.

– Папа говорил: нет йода, мажь зелёной... Первое дело от заражения. Лежи тихо, горе моё! Шас, протру маленько.

Она намочила под краном старую чистую наволочку, встряхнула в воздухе и аккуратно положила ткань на спину брату.

– Кать, мы того, пошли, – сказал Борька, – ты только отцу не фукесай. Валька молодец, всех пацанов спас.

Катька на них ноль внимания, вся сосредоточилась на Валентине. Подняла наволочку, стала дешёвой фабричной ватой мазать кровоточащие рубцы. Запуталась, считая, сколько их уместилось на маленькой спине. Одновременно сообщала брату новости:

– Шляешься, где ни попади и не знаешь того, что папа приехал с заработков...

– Как приехал?! – Подпрыгнул на соломенном матрасе мальчишка. – А где же он?

– Тебя искал, хотел в баню взять. Сказал, если успеет, пусть идёт прямо в парилку, он предупредит дядю Сашу-банщика...

– Какая, на хрен, баня, Кать? Как картинку разукрасили всего. Мамка точно прийдёт вечером. А всего-то хотел пяток огурчиков домой принести...

– Валь, так чужое всё это! Как можно-то? Я, думаю, и от отца тебе попадёт...

– Не, батя не тронет меня, он меня уважает... Я за семью стремлюсь.

– Ой, держите меня, устремитель! Вон, папа мешок хлеба привёз, за работу с ним расплатились. Сказал, что кроме денег, целых семь буханок чёрного дали!

– Иди ты! – Не поверил Валька. Встал с дивана, пошёл к кухонному столу, возле которого стоял солдатский вещевого мешок. С ним отец прошёл весь Ленинградский фронт, полтора года госпиталей, в нём привез пять медалей и орден Красной Звезды, а также книжечку, где записано: такой-то такой-то является инвалидом 2 группы. Валька присел на корточки, потрогал зеленоватую парусину, руки ощутили плотные буханки хлеба.

– Кать, умираю, жрать хочу со вчерашнего вечера...

– Подожди чуток, скоро и мама с работы вернётся, и папа дома будет. Хотя папа сказал: Валька придёт, накорми его. Только немножко пусть ест, а то заворот кишок будет...

Мальчик уже не слушал сестру: он умело развязал солдатский узел, завернул края, из мешка глянули головки сразу трёх буханок чёрного хлеба. Запахло ржаной мукой, да такой вкусной, что у Вальки закружилась голова. Он вынул буханку, положил на стол, наклонился и снова завязал мешок. Осторожно взял хлеб обеими руками и понёс, как сокровище, к сестре на диван. Катерина деловито оттирала пальчики от зелёнки.

– Кать, пополам?

– Что ты, шальной, я столько и не съем... Да и ты сразу обожрёшься.

– Нет, Кать, я так хочу есть...

– Да, ешь ты, глупый, ешь... Вон, папа сказал, что товарищ Сталин провёл денежную реформу. Снизил цены повсюду. Теперь, сказал папа, мы заживём хорошо.

Катя еще что-то рассказывала о папе и соседях, отщипывала кусочки от своей половинки хлеба и отправляла в рот. Пропустила момент, когда Валька доел свою порцию и стал смотреть

на вторую половинку буханки. Она заглянула в глаза и увидела такой голод, что отодвинула от себя краюху и сказала:

– Ешь, конечно... Но я тебя предупредила о завороте кишок.

...К вечеру у Вальки поднялась температура, он обхватил живот руками и катался по полу, как юла. И папа, и мама, и Катя не знали, что делать: спину ли лечить или от болей в животе спасти мальчишку. Мама побежала к папиной старшей сестре Наталье, монахине, как все её звали за чёрные одежды и вечный тёмный платок на голове. Одинокая, без мужа и детей, она очень любила Вальку, больше всех на свете. Он звал её баба Ната, знал, что она его любит, и крутил ею, как хотел.

Баба Наталья уложила Валентина на родительскую кровать, гладила его живот, шептала молитвы. Тихо-незаметно влила в рот литр воды с касторовым маслом. Потом отец разместил сына на коленях попой кверху, и лекарка резиновой грушей накачала туда тёплой воды, наведённой с кусочком благородного мыла «Красная Москва».

Очистился мальчишка часа за два: из него текло как из утки. Мама напоила больного горячим чаем и уложила вместе с Катей на родительскую кровать. Дети уснули быстро и спали крепко, спокойно, похоже, без снов. Валька разметал руки в стороны, походил на маленький самолётик.

Наталья собралась уходить. Надела белую косынку, поверх неё повязала тёмный платок, обернувшись от двери, сказала:

– Александра, если узнаю, что ты была по спине Валентина, проклянущу... Ты меня знаешь: слово моё тяжёлое, свет будет не мил.

– Клянусь на иконе, Наташа! Не была я его... – Мать опустила на колени, смотрела на тёмный лик родственницы и беззвучно плакала, не вытирая слёз. – В сов-хо-зе огур-цы воро-вали, па-ра-зи-ты...

– Я всё сказала, – донеслось из-за незакрытой входной двери.

...Валька снова летает во сне. Он превращается в маленький самолётик и плавно поднимается к белым облакам. Самолётик с человеческим сердцем. Оно то замирает от ощущения высоты, то начинает учащённо биться, когда стремительно падает на лес, речку, глубокие овраги. А вот и двор со старыми тополями, вороны каркают, сидя на толстых сучьях, тренькает мелодично звонок проходящего возле самого забора трамвая. Голос бабы Наташи, суровый, с хрипотцой: «Александра... проклянущу... ну-ну-ну! Слово моё тяжёлое, свет будет не мил... ил-ил-ил!»

«Мама, не бойся, баба Ната хорошая... Добрая... Я знаю!» – Хочет крикнуть Валька, но голос сел, язык колючий, шершавый... Самолётик снова взмывает вверх. Тревоги уходят из маленького сердца. Остаются только ощущения от счастья полёта, радости открытия земли, бесконечно широкой и большой.

Дети и внуки бобыля

Они приехали вдвоём, отец и сын, в середине апреля, в полдень. На тополях едва пробились первые клейкие листочки, их запах дурманил голову. Тёплые весенние волны, завихряясь на высокой насыпи проносающимися грузовыми и пассажирскими составами, обрушивались на нежно-зелёный от молодой травы луг, на дачные посёлки, разбросанные по берегу реки. С другой стороны студёного водного разлива, поднявшегося до максимума от бурно таявшего снега, горячий воздух прорывался с нагретого солнцем поля, что окаймлял Кабаний лес с крутыми оврагами, поросшими мшистыми елями и шелестящими на ветру осинами.

Несколько дней подряд Василий Иванович Лихачёв, живущий на реке постоянно, буквально кожей чувствовал тёплые потоки воздуха, пахнувшие землёй и болотом. Они будоражили память, не давали спать, звали в дорогу, ведущую в юность, а, может, и детство: его новым соседом по даче в столь раннюю пору стал белобрысый мальчик, шести – семи лет от роду. Малыш, оставив отца в доме, подошёл к зелёным штакетинам забора, прижался к вертикальной дырке и стал смотреть на террасу, где Василий Иванович, заслуженный дед по количеству чetyрех, имеющих у него внуков, сидел за круглым столиком и пил кофе.

– Здравствуй, молодой человек, – сказал Василий Иванович. – У кустов малины – калитка... Можете заходить в гости, будем знакомиться.

– Здравствуй, – ответил без всяких речевых дефектов мальчик, – меня зовут Филипп... Папа зовёт Филипок. С одним «п», так проще. А вас как зовут?

– Как Чапаева... Василий Иваныч. Слышал про Чапаева?

– Нет. А что вы делаете?

– Вот, кофе пью. Да за вами наблюдаю: соседи всё-таки приехали. Надолго ли, молодой человек?

– Папа не решил пока. Но на выходные – точно останемся...

– Филипок! – Имя мальчика с одним «п» донеслось от крыльца соседнего трёхэтажного домины, близко прижавшегося к забору Василия Ивановича. – Ты где?

– Здеесь... Рядом с кустами! – Прокричал мальчик, не поворачивая головы, и задал трудный для пенсионера вопрос:

– А можно звать вас дедушка Василий?

– А у тебя есть дедушка?

– Не знаю... Я никогда не видел его.

– Конечно, можно... А ты знаешь, что дедушек должно быть два?

– Нет... Спасибо, – уже торопливо сказал Филипок и помчался к отцу.

«Вот тебе и фокус, похоже, пятого внука завожу, – улыбнулся Василий Иванович, отпивая остывший кофе. – Упустил за разговором время. Не кофе, а помои. Но, уж больно соседник-то хорош. Копия мой младший лет двадцать пять тому назад. – Он сделал ещё глоток и переключил мысли на семью. – Что ж, так и будем жить? Я здесь, как старовер Лыков в чашобах Хакасии, который год в одиночестве... Они там, в городе? И что сыновья придумают на это лето? Опять проигнорируют? Старшему, с кровью пополам, вытянув все жилы, купили квартиру: он всё-таки двоих малышей поднимал. Младший, пока учился да жил с нами, помалкивал, доволен был, что у мамки с отцом на всём готовом. А теперь вот женился, обрёл голос: продай да продай жильё и дачу, купи им трёхкомнатную квартиру, а себе – „однушку“, да на первом этаже, чтоб подешевле было. Всё равно, мол, помирать скоро... Так и сказал.»

Василий Иванович не смог сдержать то ли стоны, то ли всхлипа на вдохе, его крупные плечи затряслись, будто от кашля: «Боже мой, кровь ведь моя, как я тебя любил, белоголового... И куда, куда всё девалось? Одна ненависть и злоба остались. Не хватило бы денег на такой расклад, нет!! – Почти прокричал забытый всеми отец и дед. – В конце-то концов, ты

живёшь в моей квартире, – мысленно обратился он к младшему сыну. – Я понимаю: тоже двоих растишь... Но я-то нигде оказался? В семьдесят с гаком – торчу на садовом участке. Прости меня Анфиса, царствие тебе небесное, но хорошо, что не увидела всё это. А я – не бабка: постирай, поняньчись, сготовь, накорми малышей... Значит, никому не нужен? Вот дарственную не оформил, не отдал тебе дачу. А куда бы пошёл тогда? В канализационный люк, бомжевать? Господибожемой, страшно-то как. Ведь я – известный учёный, публицист. Старший сын тихо и незаметно ушёл и младшего потерял...»

– Есть, кто живой? – Во внутренней калитке дачного забора, распахнутой настежь, стоял высокий, статный мужчина лет тридцати с небольшим. – Не помешал? Можно к вам, «для познакомиться»?

– Да... Простите, задумался, – не сразу среагировав, заговорил пенсионер поставленным голосом профессионального преподавателя. Тяжело приподнявшись из глубокого и мягкого кресла, сказал:

– Василий Иванович Лихачёв, профессор, публицист. Рад знакомству... А мы уже с вашим сыном поговорили.

– Он мне рассказал, когда спать его укладывал... Пусть часок отдохнёт с дороги, притомился. А меня Евгений Витальевич Серенко зовут, можно просто Евгений или Женя. Майор неких органов по охране особо важных лиц...

– Бывшая девятка КГБ, что ли? – Блеснул осведомлённостью Василий Иванович.

– Точно... Только сейчас по – другому называется. Но я не об этом. В обед вроде бы рановато, – сосед вынул из-за спины бутылку коньяка с яркой этикеткой, видно, что дорогого, марочного. – С другой стороны, сегодня же суббота, выходной, дача... Да и кому какое дело, чем мы тут занимаемся? Как, Василий Иваныч, по рюмочке, за знакомство?

– Тогда присаживайтесь, будьте терпеливы, молодой человек: схожу за фужерами и бутерброды сделаю. – Василий Иванович отодвинул от стола кресло, поднялся, оперевшись на протянутую Евгением руку, поправил полы бархатного стёганого халата вишнёвого цвета и прошёл в дом. Через пять-семь минут, выйдя в японском спортивном костюме серого цвета, с подносом в руках, он увидел майора, спящего в мягком кресле-шезлонге. «Познакомились, – рассмеялся пенсионер. – Я как-то расслабляюще действую на молодёжь: после Филипика и отец уснул»

Василий Иванович хотел достать ноутбук, немного поработать, но в последний момент передумал, снова уселся к столу, взял в руки бутылку и прочитал на этикетке известную французскую марку. Настолько известную, что невольно хмыкнул: «Ни себе хрена! Скромные военнослужащие... И как он попал на дачу соседа, – подумал он, – полковника внутренних войск? Друг сына? Но Веня погиб почти пять лет назад, а его отец как-то сразу сдал, не смог оклеветаться, вышел в отставку, по два-три раза в году лежит в военном госпитале. Последнее время вообще не приезжает. За десять лет я ни разу не видел здесь майора, тем более, с Филипком. Господибожемой, какая разница: каждая семья несчастна по-своему... Может, и у них что-то произошло? Почему без жены приехал, почему мальчик ни слова не сказал о маме? Сто этих почему»

Василий Иванович аккуратно и довольно умело вынул пробку из бутылки, понюхал горлышко, улыбнулся чему-то своему и налил в пузатый фужер на два пальца высотой искрящейся коричневатой-желтой жидкости. Тонкий аромат коньяка будто встряхнул майора: он открыл глаза, поднял голову.

– Простите, Василий Иваныч. Расслабился: ночь не спали, сопровождали вице-премьера на военный полигон...

– Да, скажу честно: живя на пенсию, не забалуешь таким коньячком.

– Вы и преподавать перестали, и статьи, вижу, больше не печатаете?

– Уходя – уходи... Так, пишу для себя. А мою кафедру прикрыли якобы за нецелесообразностью. Денег, короче, нет у нового правительства, секвестрируют образование. Кому сегодня нужны теория и практика международной журналистики в рядовом университете?!

Помолчали: тема большая, Евгений не хотел ещё больше огорчать Василия Ивановича. Решил переключить разговор на другое:

– А мне дядя Степан отдал ключи от дачи... После смерти Вени он практически здесь и не жил. И тётя Сима всегда с ним, куда она поедет без него?

– А вы, стало быть, друзья с погибшим Вениамином?

– Со школы. Потом закрытое учебное заведение. Потом – невостребованность, а ведь по два языка знали. Я кое-как сюда вот устроился. Венька – в спецназ, даже обогнал меня в звании. Но Кавказ уготовил ему страшную смерть. Вся группа погибла, он, командир, полуживым, без сознания, попал в плен. Из кожи на его спине боевики резали ремни, голову буквально отпилили... – Женя долго молчал, длинно, через нос, вдыхая воздух. – Прошло полгода, раньше не было никакой возможности, прежде, чем я нашёл яму, куда сбросили его обезглавленное тело... Веню мы перезахоронили с почестями, потом ему звание Героя присвоили, у родителей золотая звезда хранится. Семьёй-то он так и не успел обзавестись.

Опять длинная тягучая пауза. Василий Иванович, всё еще держа фужер в руке, первым очнулся, проговорил:

– Что же я не наливаю вам? Вот растяпа.

– Василий Иваныч, можно со мной на «ты»? Не привык я, хоть и начальник отделения уже. И можно я поухаживаю за вами, долью чуток, а потом – себе?

Он долил каплю коньяка в фужер пенсионера, плеснул в свой бокал и сказал:

– Мне дядя Степан много хорошего говорил про вас. Давайте за знакомство... И за ваше здоровье выпьем.

Выпили. Пока жевали бутерброды, снова молчали. Видно было, что майор голоден, доедал уже второй кусок, стараясь захватить на хлеб побольше холодного мяса.

«А как же малыш? – Сразу подумал пенсионер. – Надо что-то придумать, проснётся, надо покормить его»

– Василий Иваныч, – утолив голод, проговорил Евгений, – мне надо вернуться на службу... В Москве – нет проблем! Филипок настолько самостоятельный, что остаётся один, готовит чай, яичницу, чистит зубы и спать укладывает себя. Здесь мы первый раз. Он, конечно, ничего не знает. Продуктов я набрал на неделю, но разбирать их просто некогда.

– А я только что хотел предложить накормить вашего сына горяченьким...

– Ну, спасибо! Родители Веньки не сомневались, что вы не откажете в помощи. Можно, я позвоню, вызову машину? Всё-таки глоток коньяка я сделал, за руль нельзя. А Филипок проснётся, я ему сказал, сразу придёт к вам.

– Нет, Евгений, не так надо сделать. Ты спокойно езжай, похоже, вернёшься только утром? А я пойду к вам, поработаю на компьютере, дождусь пробуждения мальчика. Разберем вместе с ним продукты, разложим вещи. В общем, придумаем, как станем жить-поживать. Я понял, что приехали вы не только на выходной день?

– Да, тут обстоятельства... Жена вернулась... с новым ребёнком. Ей негде жить... Другой брак, за граница, чёрте что! Но я не мог не уступить ей квартиру, говорит, что временно. Так что мы с сыном проживём пока вашими соседями. По крайней мере, до школы. Ему осенью в первый класс... Вот такие пироги, Василий Иваныч.

– Тогда ещё по глотку за знакомство, за то, чтобы всё нормализовалось. Прости, ещё один вопрос: а что, Филипок, не знает, кто и где его мама?

– Знает... Она так захотела. Этой зимой, после нового года, я, как смог, рассказал ему. И он до сих пор молчит... Молчит! Больше ни разу не спрашивал о маме.

– Значит, знает, что мама жива и растит другого малыша?

– Да, выходит так... Но он молчит!! Меня это страшно пугает. И вы, ради Бога, будьте осторожны.

– Не учи учёного...

Филипок спал, взрослые обсудили все скользкие вопросы бытия. Василий Иванович, чуточку захмелев, достал «НЗ» – спрятанную сигарету, прикурил, сделал несколько затяжек. Потом вместе с Евгением пошли к калитке внутреннего забора, где суглинок, обычно твёрдый как камень, размяк под лучами весеннего солнца и расплзлся под ногами, замазав ботинки майора по самое некуда. А Василий Иванович, щеголяя в глубоких татарских галошах, посмеивался над Евгением. Майор быстро собрал походную сумку, готовый отправиться к поселковым воротам: надо встретить машину, чтобы та, у дома, не разбудила малыша. Ботинки он помыл, убрал в карман сумки, а затем отыскал в шкафу галоши хозяина дома. Они оказались чуточку маловаты, но на ноги всё-таки налезли.

Василий Иванович успел спросить майора:

– А почему малыш не знает своих дедов?

– Мои родители умерли рано. Родители жены считают меня извергом и предателем, не хотят нас с сыном видеть после развода и отсуждения Филиппа по суду. В общем, грустная история.

– Ладно, разберёмся... Ни пуха, и береги себя. Помни, ты у сына один, Женя.

Василий Иванович много раз бывал в доме соседа, даже совместные застолья по случаю праздников устраивали. Но всё это происходило в другой жизни, до смерти Вениамина. Степан Семёнович Сапсай был хозяйственным мужиком, рукастым, в войсках отвечал за маттехснабжение. В его трёхэтажном доме, кроме семи просторных комнат и настоящей «дворянской лестницы», были горячая и холодная вода, паровое отопление, со вкусом оборудованный санузел – белая зависть Василия Ивановича. Кухня и столовая занимали почти весь первый этаж дома: через них – ещё один выход на веранду и террасу.

– Поместье! – Говорил сосед-профессор с горьким юмором, понимавший, что его дачка в подмётки не годится хоромам полковника. – Вот, Стёпа, ты сжился с существующим строем, служишь ему, оберегаешь его, как свою задницу. Потому что барахлом оброс».

– Да, Вася, сжился, приспособился... Только вот почему-то не вылезаю из горячих точек: то Афганистан, мать их так и эдак, то Средняя Азия, то Кавказ, опять же. И сына отправил «за границу»: не вылезает с Кавказа, три, Вася, три (!) лёгких, слава Богу, ранения и контузию имеет. И до сих пор там находится. Я русский офицер, Вася, и служу Отечеству, как это делали мои отец и дед! А теперь – я и сын.

После этих слов он, как всегда, наливал полную 125-граммовую «походную» стопку водки, такую же наполнял для Василия Ивановича, поднимал правую руку с зельем на уровень груди и громко, каким-то трубным голосом, говорил:

– За Рассею! За русский народ!! Уррра!!! – Выпивал залпом, выдыхал через нос и добавлял. – Хотя я по маме – хохол, а по отцу – еврей.

Вспоминая о встречах и застольях, Василий Иванович переходил из комнаты в комнату, раскладывая, вынимая из большой сумки-мешка бельё Филипка и Евгения. «Не так уж и много скарба у мужиков, – думал он, – наверное, большую часть в квартире оставили. До лучших времён»

Он прошёл два этажа дома, очутился снова в кухне, осмотрел её, открыв все шкафы, вернулся на большую веранду к сумкам. Проверил продуктовую: много еды, кое-какая посуда, упаковки с разовыми тарелками, стаканчиками, ложками и вилками. Повесив сумку на плечо, снова отправился на кухню. Шведский двухдверный холодильник, как вечно голодный крокодил, поглотил почти все съестные припасы. Остальное, включая хлеб, сахар, крупы, макароны и соль, он расставил на полках.

«Ну, что ж, теперь и на третий этаж можно подняться, – подумал Василий Иванович, – только тихо, что-то разоспался, малыш».

Он, перехватывая перила одной рукой, стал, не спеша, подниматься по дубовой лестнице, выкрашенной в цвет слоновой кости и, действительно, похожей на парадный вход в уездное дворянское собрание. Голова уже оказалась на уровне третьего этажа, когда он услышал торопливые шаги: из открытой двери спальни бежал Филипок. Светлые волосы взъерошены, глаза, отдохнувшие, сияют, улыбка во весь рот. На плечах – бежевая фланелевая майка. Малыш обхватил рукой последний столб на перилах лестницы, его круто развернуло, и, чтобы не упасть, он буквально бросился на шею Василия Ивановича. А тот, ещё не поднявшись до конца ступенек, едва устоял на ногах, свободной рукой прижал к груди маленькое теплое тельце. Пенсионер без сил опустил на широкие ступени лестницы, усадил малыша на коленях. Филипок торопливо заговорил:

– Дедушка Василий, я знал, что найду тебя... Мне папа сказал, что мы едем к дедушке. Но он не знал, мой ли ты дедушка? А теперь я знаю, ты мой... Мне сейчас сон приснился. Мы летели с тобой на ракете. Я нашёл тебя на Марсе. И привёз сюда, на землю.

Старый бобыль плакал. По щекам текли слёзы. Он не вытирал их и не дышал носом, боясь спугнуть мальчика. Тёплые волны радости накатывали на сердце. «Весна, – думал он, – вот оно, моё пробуждение. Я чувствовал эти волны. Я верил им.»

Василий Иванович точно знал, что с приездом пятого внука лето будет счастливым.

Полюсы недоступности

Соня походила на летящий ветерок. У нее были острые ключицы и недоразвитые бугорки груди. Она стала для Ивана божественным созданием, таким легким и ломким, что ему постоянно хотелось защитить ее. Он знал о моде «сталинских соколов» на балерин, на умение богатых содержателей создавать иллюзию счастья на одну прекрасно проведенную ночь. Но женились они, как правило, на провинциалках, которых выписывали по окончании летних училищ из дальних уголков необъятной Родины, из тех сел и деревень, где учились вместе в сельских школах – семилетках.

Иван полюбил эту незаметную девушку из кордебалета Большого театра с первого взгляда. Она была такая худенькая, такая беззащитная, что у него, мастера спорта по боксу и гребле, сжималось сердце при одной только мысли, что ее кто-то может обидеть, вот так просто взять и переломить пополам. Вместе с другими «поклонниками» Большого театра он несколько раз стоял у подъезда служебного входа, но так и не решился остановить стремящуюся незаметно пройти девушку. Через подружек своих друзей он узнал, что зовут ее София, что она коренная москвичка, что весит как большой барашек и что у нее нет кавалера.

Познакомил их случай. Иван прилетел после двухмесячной командировки с острова Рудольфа, прямо в полярной куртке приперся к театру, встретил там старого знакомого – штурмана экипажа знаменитого летчика. Тот был с огромным букетом роз, бутылками шампанского в карманах тонкого кашемирового пальто, в белом шелковом кашне.

– Пойдем со мной! – Заорал он, словно глухой.

– Ты с полетов? – Спросил Иван. Он знал, что, находясь в полете по 20 с лишним часов непрерывно, уши закладывает так, что голос сам по себе начинает вырываться наружу. – Я тоже, даже не переделся еще...

– Кого заприметил, скажи? Я – ветеран среди поклонников, может, знаю.

– Да мы даже не познакомились толком, не представились друг другу...

– Ну, ты даешь, брат! Покажи, я быстро обстряпаю это дельце.

– А ты чего с вином?

– Так сегодня у моей примы день рождения. Рвался к ней со всех паров. Еле успел.

Помолчали, закурили. Иван достал короткую трубку, не стал набивать ее табаком, чиркнул спичкой и тут же прикурил, раздувая дымок из маленького эбонитового вулканчика.

– Эх ты, черт, как удобно. А табак ты что, заранее набил?

– Да. Мне хватает на два прикура, если спешить, или, как сейчас, когда не хочется возиться с мешочком.

– Надо перенять опыт.

– Дарю, – сказал Иван, выбил из мундштука остатки табака и протянул трубку своему товарищу. – Новая почти, раскуривай сам, привыкай. Но главное в трубке я тебе сделал... Это сложная наука: ее надо аккуратно обжечь, отшлифовать...

В это время двойные двери служебного входа открылись, из них выпорхнула первая стайка девушек. Не поймешь, кто был танцовщицами, кто хористками. Все молодые, смешливые, красивые, довольные тем, что хорошо прошел спектакль, что их, наверное, похвалили, что и они могут, наконец-то, бежать к своим семьям и возлюбленным. Знакомый Ивана сделал несколько шагов вперед, вместе с цветами обхватил девушку довольно крупных размеров, поднял ее кверху и заорал на все округу:

– С днем рождения! С днем рождения...

Потом развернул ее к Ивану и сказал:

– Тая, познакомься, это мой кореш, Иван... Он ищет свою неразделенную любовь. Надо ему помочь.

– Таисия, – сказала девушка и протянула руку в белой вязаной варежке.

– Между прочим, заслуженная артистка Республики, солистка, – начал перечислять летчик заслуги своей возлюбленной. Но в это время из дверей вышла Соня. Она подняла глаза, увидела Ивана, быстро отвела взгляд, хотела незаметно проскочить возле шумной компании. Но Таисия была на страже: она моментально все поняла, схватила девушку за руку, подтянула к себе и сказала:

– Сонечка, милая моя, давно все хотела с тобой поговорить, да дела, гастрологи. Все никак не получалось... Ты у нас в какой группе-то?

– В третьей группе, – тихо-тихо сказала девушка. А у Ивана сжалось сердце. Он впервые услышал этот грудной, чистый, ровный голос. – В третьей, – громче повторила Соня.

– Надо думать, как тебе помогать будем, – сказала Таисия. – Но это, Сонечка, потом, завтра, а сегодня пойдем-ка на мой праздник. Вот и кавалер тебя заждался, бедолага, рта открыть не может от волнения. А еще ас, «сталинский сокол» называется...

– Я не совсем могу... Мне бы надо зайти в магазин, мама просила.

– Маме позвоним от меня, что хотела купить в магазине, купим в «Елисейском». Все равно надо заезжать, у меня вина мало.

Штурман в кашне демонстративно достал «Шампанское» из одного кармана.

– Убери, – довольно зло бросила Таисия, – разобьешь... Вот, дурачина, – сказала Таисия для Ивана. – Кстати, Сонечка, познакомься, это тоже полярный летчик, Иван. Как бишь, тебя, по ФИО?

– Афанасьев... Только я не летчик... Штурман.

– Он хочет сказать, что он из интеллигентной профессии, – захохотала Таисия, – тангенсы-котангенсы... А не пойти ли нам, Афанасьев, за три моря? Поухаживай за девушкой, – и она передала Соню на попечение Ивана.

Иван взял руку девушки в огромные ручища, долго тряс, пока не понял, что сейчас оторвет этот стебелек от туловища. Хорошо, что в это время подрулила машина, заказанная товарищем Ивана, чье имя он до сих пор так и не мог вспомнить. Соня не сопротивлялась, она умоляюще смотрела на Ивана, глаза выдавали, как она хотела бы любить, но жуткий страх перебивал это естественное чувство. Иван не выдержал, сказал ей почти в самое ухо:

– Не бойтесь меня, я прихожу к вам, если не в командировке, на все спектакли... Только Господь не дал возможности познакомиться, подойти к вам.

– Я знаю, – сказала Соня.

Они один за другим сели в машину, Соня оказалась между Иваном и штурманом. Таисия удобно расположилась спереди.

– К Елисейево! – Скомандовала Таисия.

– Наша красавица приехала! – Солидные по возрасту и габаритные по размерам, чистенькие, в накрахмаленных передничках и кокошниках, полдюжину продавщиц подбежали к угловой незакрытой нише прилавка, где какой-то дурак из хозяйственников поставил огромных размеров китайскую вазу тончайшего фарфора. Одно неосторожное движение – и это чудо искусства может свалиться на пол, сверкающий плиткой цвета слоновой кости.

– Девоньки мои, рада вас видеть живыми и здоровыми! – С чувством искреннего участия прокричала Таисия. – Давненько вы не были у меня... Кто сегодня свободен? Прошу сориентироваться, едем ко мне на такси... По случаю моего дня рождения.

– Урааа! – Завопили женщины, – но нам еще целых полчаса работать.

– Пока отоваримся, и время подойдет...

– Что берем, Таинька? – Сказала, видимо, бригадир смены продавцов.

– Все, как обычно, но с учетом всего троих мужичков., – бросила с вызовом Таисия, – четвертым будет мой родненький брат, малопьющий музыкант.

– Кто третий? – Спросил штурман с «Шампанским», фальшиво разыгрывая сцену ревности.

– Сюрприз... Узнаете дома.

А время неумолимо приближалось к закрытию магазина, когда из него стали выходить последние покупатели, укладывая продукты в соломенные плетенки. Особенно заметен был хлеб вечернего завоза: он источал такой потрясающий дух жареной муки, что у Ивана невольно сжалось горло, он сглотнул слюну, вспомнив, что не ел с самого обеда. Невольно сглотнула и Соня. «Что, есть хочется?» – спросил одними глазами Иван. «Да, но я малоежка, выдержу», – примерно так ответили глаза Сони. Ей почему-то было так спокойно с этим коренастым сильным человеком с открытым лицом, широкими скулами и светло-кариими глазами, огромными плечами, закрытыми тугим брезентом лёгкой куртки на коротком меху, что она опять прильнула к руке Ивана, нагруженного увесистой корзиной с продуктами, тихонько потащила его к выходу из резных, ручной работы, дверей знаменитого «Елисейского» магазина.

Из бригады продавщиц к Таисии поехали только две довольно молодые подружки, остальные благодарили именинницу за приглашение, но, сославшись на позднее время, семейные дела, детей, разъехались по домам. Две машины такси нашлись сразу: продавцов и последних покупателей у «Елисейского» таксисты не только знали в лицо, но и любили развозить их по домам.

В машине Соня не вынимала свою руку из руки летчика, сняла варежку, такую же белую, вязаную, какую заметил Иван на Таисии. На коленях летчика стояла корзина, мешала ему ласкать руку девушки. Он развернул верхний бумажный пакет, отломил кусочек свежее испеченного батона и незаметно протянул Соне. Она сначала не поняла, что он пытается вложить ей в руку, смотрела ему в глаза, будто спрашивая: «Что, что случилось?». Иван показал губами жевательное движение. Соня все поняла, заулыбалась и положила кусочек хлеба в рот. Она зажмурила глаза, замурлыкала словно маленькая кошка, покачивая головой в такт движению машины. Потом, не поворачивая головы, одними пальчиками нашла рот Ивана и вложила в его губы крохотный кусочек хлеба: поделилась. У Ивана перехватило горло, он незаметно откашлялся, стал жевать хлеб с едва заметным привкусом дрожжей.

– Приехали! – Заорал штурман. – Все близко, все с доставкой! Выгружайся.

– Телефон? Где телефон, – говорила Соня, бродя по прихожей, смахивающей на малое футбольное поле.

Иван поднял тяжелую хозяйскую шубу, под ней, на столике, нашел телефонный аппарат, снял трубку и протянул ее Соне. Та благодарно закивала головой, дозвонилась до дома:

– Алло, мамочка! Это я. Не волнуйся, я в гостях, на дне рождения у Таисии. Да, той самой, да, заслуженной... Представь себе, пригласила и меня, познакомила с летчиком, Иваном зовут...

– Не летчик, а штурман.

– Вот он говорит, что не летчик, а штурман. Да, он проводит, – сказала Соня, увидев, как энергично закивал головой Иван. – Все, пока, целую... Да, в магазин я зашла, купила. Говорю, что принесу домой. Ма, но мы же после спектакля. В какое нам другое время можно собраться? Завтра – репетиция и снова спектакль. – Соня положила трубку, покачала головой: – Вот так всегда. Никак не может привыкнуть к нашему режиму и образу жизни.

Вечер был сумбурный, шумный, с солированием Таисии и энергичного штурмана, которого звали, наконец-то, вспомнил Иван, Леонидом. После полуночи в квартиру ввалилась большая компания во главе с генералом тыловой службы.

– А вот и обещанный четвертый мужчина! – Закричала Таисия, бросаясь на шею генералу.

– Обижает, я не один, со мной еще двое, журналисты из «Гудка»...

Начали знакомиться, Иван никак не мог вспомнить, где он видел этого моложавого генерала. Пришлось сделать вид, что помнит, как они встречались, что Иван готов продолжить беседу, не законченную в свое время. «Стоп! Испания», – Иван вспомнил, как на Волжском испытательном полигоне проверял состояние навигационного оборудования самолётов, расписываясь в большом грессбухе на фанерном столе, стоящем прямо в поле, за которым восседал этот военный. Сзади него виднелись временные рельсы, ведущие в ангары с самолётами.

– Полковник Стеклов? – Радостно сказал Иван.

– Бери выше... Комиссар. А ты был там? (Испанию вслух никто не произносил).

– Не пришлось. Так и сидел на навигации...

– Что ж, это тоже надо. Кто-то и навигацию должен доводить. Вот, Иван, времечко было. Как мы все успевали? А ты уже старшим штурманом стал? Помнишь анекдот? Про старшего техника и боевого истребителя?

– И мы не знаем, – завопили за столом, – расскажите, не жадничайте!

– Служили два товарища, – начал генерал, – один был боевым летчиком-истребителем, а второй – техником – лейтенантом. Жен привезли в городок, воевать пошли в некоторые районы. Доходят слухи до жен:

– Мой уже капитаном стал, – говорит жена боевого летчика-истребителя.

– А мой все еще техник-лейтенант, – отвечает ей вторая женщина.

Прошло еще какое-то время:

– Мой стал майором, боевой орден получил, – говорит жена летчика-истребителя.

– А мой все еще техник-лейтенант.

Встречаются через месяц, жена истребителя вся в черном, в слезах:

– Погиб смертью храбрых...

– Сочувствую, дорогая. Давай-ка, приводи детей, пока будут похороны, присмотрю за ними...

– А твой-то как?

– Стал старшим техником-лейтенантом... Служить после отпуска будет в Московском гарнизоне.

Тишина наступила в комнате такая гнетущая и тревожная, что слышались шумное дыхание Таисии, затяжки папиросы Леонида.

– Пошутил, – сказал Стеклов. – Да, простите, не в кон...

Иван и Соня ушли по-английски, хотя Таисия все видела, успела показать штурману большой палец, а затем соединила большие и указательные обеих ладоней в форме колец, ткнула ими себя в пышную грудь. Иван зарделся, закивал головой. Соня их переговоров для глухонемых не видела.

Они перешли пустую центральную улицу, прошли бульваром рядом с Пушкиным, девушка по-прежнему крепко держала Ивана за правую руку. Он сказал ей, что эту руку следует освободить, военному надо держать правую руку свободной для приветствия. Соня нехотя перешла на другую сторону, к его левой руке, канючила, как маленькая, говорила, что ей удобнее висеть на его правой. Иван спросил:

– Ты устала?

Она кивнула. Он посмотрел на занесенные снегом длинные тяжелые скамейки, и вдруг левой рукой подхватил ее за спину, правой – ноги под коленями. В долю секунды она очутилась у него на руках, голова лежала на согнутом локте, ладонью он аккуратно поправил ее голову вправо, и они встретились взглядом. Соня не сопротивлялась, зеленоватые глаза светились, в них было столько добра и благодарности, что у Ивана снова перехватило дыхание.

Он осторожно приблизил губы к ее губам, холодным, с легким привкусом домашних солений. «Любительница фасоли», – вспомнил Иван, как Соня аппетитно уплетала длинные

стручки дальневосточного растения. Она приняла его горячие, пахнувшие табаком для трубки, губы, стала лизать их, будто стараясь слизнуть горький запах никотина, спокойно впустила его язык внутрь рта и, закрыв глаза, полностью отдалась Ивану.

Он подошел к скамейке, ногой расчистил снег, уселся так, чтобы хоть краем короткой куртки закрыть нижнюю часть спины. Ивану казалось, что он теряет сознание, улетает от чувства, которое рождалось в нем, когда от поцелуев губ переходил к поцелуям ее глаз, щек, пролезал под оренбургский платок и целовал мочки ушей.

Они потеряли счет времени, не помнили, сколько просидели на скамейке. Вернее, сидел на заснеженной скамейке Иван, а Соня покоилась у него на коленях. Прошел милицейский патруль, но, видимо, распознав летную атрибутику на одежде Ивана, даже не остановился. Но этот эпизод все-таки отразился в памяти Ивана, он подумал, что утром ему надо на доклад, и, не куда – никуда, а в службу главного штурмана Полярной авиации. Предстояла встреча с начальником.

– Сонечка, мне пора в часть...

– Господи, что это я? Да, конечно. Вы... Ты беги, тут рядом, я дойду сама.

Он проводил ее до двери квартиры, они еще с десятков раз прощались, целуясь, крепко обнимаясь, до боли в спине и суставах. Она первая приняла решение, открыла дверь квартиры.

– Мы когда увидимся? – Спросил Иван.

– Хочешь, сразу после спектакля.

– Я могу опоздать, ничего не знаю по завтрашнему дню...

– Я дам тебе телефон. Запоминай. – И назвала московский номер. – Но это не мой. Это моей подруги... Она на гастролях. – Ивану показалось, что Соня покраснела. – А мама не знает... Но это не важно. Я там буду ждать твоего звонка.

И закрыла дверь квартиры, может, даже чуточку поспешнее, чем ожидал летчик.

Они не виделись почти два месяца: утренняя встреча Ивана в Полярной авиации закончилась срочным вылетом на дальний аэродром. Непогода накрыла все побережье Северного Ледовитого океана, экипажи, застигнутые врасплох, спали, ели, читали, углубляли теоретические знания в классе или кабине самолета. Конечно, Иван передавал несколько весточек любимой девушке, по которой он так скучал, что ему, порой, бывало страшно ложиться спать. Ночью ворочался, вставал, пил воду, ел шоколад, слушал радио, читал все, что хранила уже «немолодая» библиотека для летного состава.

Прилетели они с Севера на мощнейшем самолете, пробыв в воздухе около 20 часов, когда в Москве зацвела мать-и-мачеха. Соня отдыхала после репетиции, оставалась дома одна, на ней кроме шелкового пеньюара ничего не было. Она сказала только одну фразу: «Я не могу без тебя... Я так люблю, что не могу дышать без тебя». И в самом конце этого безумия, длящегося более двух часов, она тихо произнесла: «Боже мой, как я сегодня буду танцевать».

Танцевала Соня, на взгляд Ивана, лучше, чем когда—либо. Он заметил, при всей некомпетентности, что она уже выступает с маленькой сольной партией. Это был «Щелкунчик», это был восторг, который Иван не мог скрыть. В антракте к нему подошла Таисия, специально пришедшая посмотреть на Сою, и выпалила:

– Ты все понял? Вот что значит вовремя заметить талант. Разглядеть надо... Ты мой должник... Но это потом, медведь. Сейчас ты должен немедленно жениться на Соне. Иначе она умрет без тебя. Все я сказала! – Она подставила щеку для поцелуя и удалилась, зная, что за ней наблюдает, минимум, половина фойе Большого театра.

По просьбе руководства Полярной авиации, Ивана и Сою расписали на второй день после «Щелкунчика». Ивану дали комнату в благоустроенном общежитии, со всеми удобствами. Но, в общем-то, это была одна большая коммунистическая общага. Соня жила с ним здесь от командировки до командировки. Потом належке уходила к маме и, не нарушая при-

вычного ритма жизни, продолжала выступать в Большом. Детей они не заводили: Ивану надо было закончить Академию, Соня репетировала главную партию в «Жизели», правда, во втором составе.

Сталин пришел на спектакль неожиданно, именно тогда, когда выступал второй состав. Он спросил, кто солирует? Ему ответили. Чья она? Ему сказали, что жена штурмана Полярной авиации, который служит у Ивана Дмитриевича Папанина. В антракте Соню привели в ложу. Папанин был здесь же, стоял рядом с Берией. Помня, что Соня – жена Ивана, он ни на шаг не отходил от Вождя народов.

Сталин сказал примерно следующее: «Вы замечательная балерина, вас ждет большое будущее. Вы даже не представляете, какое будущее вас ждет!»

Потом он спросил Папанина: а где ее муж? В срочной командировке по проводке судов по Северному морскому пути... И сколько он уже в командировке? Больше месяца, последовал ответ...

Конечно, Иван Папанин не был эдаким всесоюзным добряком-весельчаком, каким его пытались изобразить в средствах массовой информации, литературе того времени и в последующие периоды нашей истории. Это Иван знал не понаслышке, прослужив в его ведомстве длительное время. Даже, имея репутацию отличного и зрелого штурмана, Иван чувствовал ревность Папанина. Ему передавали высказывания типа, молокосос и туда же: то героические полеты к Северному полюсу, то грандиозная экспедиция на Полюс недоступности. Надо же, как повезло: именно его самолет стал основным, первым достиг «терра инкогнита».

На самом же деле, Иван был лишь частью большого экипажа и частичкой огромного коллектива, готовившего эту экспедицию. В Северо-Восточной части Арктики, на расстоянии гораздо дальнем, чем надо было лететь до Северного полюса, находился участок географического пространства, где ни разу не ступала нога человека. Никогда. Об этом много писал академик Обручев в своих увлекательных романах, большом количестве научных трудов.

Тянул этот неизведанный уголок природы и полярных летчиков. Они прекрасно знали, что по весне туда летели несметные полчища птиц, не раз видели на кромке ледовых полей белых медведей и песцов. Но они также знали, что человеку на собаках ли, пешком ли невозможно добраться до этого белого пятна. Самолет может долететь туда, но ему нужны будут взлетно-посадочная полоса и полная дозаправка горючим на обратную дорогу... Значит, лететь надо, как минимум, двумя самолетами с огромным запасом горючего. Ну, а чтобы подстраховка была организована по-советски, высшим руководством страны было принято решение лететь сразу тремя самолетами, самыми современными и могучими.

Экипажу Ивана посчастливилось первому сделать посадку в белом безмолвии. Он один из первых увидел этот нетронутый никем снег, под ним был лед и пугающая километровая толща океана. Мировая пресса сравнила по значимости этот перелет с открытием Северного и Южного полюсов. «Для нас же главным было другое, – говорил потом Иван журналистам. – Мы – первые. Стране советов все по силам!».

На прием в Кремль Иван и Соня собрались быстро. У неё было кое-что из семейного гардероба, Иван надел летную форму. Кремлевский зал наполнялся быстро гостями, лица – напряжены, переговаривались вполголоса.

Папанин, напротив, был необычайно весел, громко разговаривал, смеялся над своими шутками, то и дело кричал: «А вы, засранцы, знали, что по Герою получите?!»

Никто не объявлял торжественного вхождения в зал Сталина. Он появился незаметно, буднично подходил к группам людей, с кем-то здоровался за руку, с другими, кто представ-

лялся ему, знакомился кивком, иногда задавал вопрос-два, поздравлял с наградой и, не спеша, отходил к следующей группе собравшихся.

К Папанину и его группе Сталин подошел довольно быстро. Иван и Соня часть разговора не слышали, стояли не так близко. Сталин повернул голову и заметил Соню.

– Что за жемчужина появилась на приеме? – спросил он.

– Соня Афанасьева, солистка балета Большого театра и жена нашего лучшего полярного штурмана Ивана Афанасьева, – широко улыбаясь, сказал Папанин.

Сталин подошел, взял протянутую руку Сони двумя своими и долго держал в ладонях. Сталин смотрел прямо в глаза Соне, потом вымолвил:

– Мы, похоже, уже виделись?

– Да, – едва слышно ответила балерина.

– В антракте «Жизели», в ложе. Помните, я предрек вам большое будущее? – Спросил он.

– Да, помню, Иосиф Виссарионович...

– Будем считать ваш ответ благодарностью, – проговорил он и посмотрел на рядом стоящего Ивана. Тот, как положено по Уставу, представился Вождю советского народа.

– Вижу орден Красного знамени... Высокая награда. Поздравляю. Вы так молоды, у вас все впереди. Берегите очень талантливую жену... Соню Афанасьеву. – И Сталин пошел к следующей группе участников приема.

– Соня! Поздравляю! Вы оба – молодцы! Зас-ран-цы!! Вас заметил Иосиф Виссарионович! Это отлично! – Папанин был готов задушить их в своих объятиях.

Гулянье продолжилось за городом, на дачах у руководства, почти до утра. Иван чувствовал себя скверно. Он был крепок на выпивку, но тут явно перебрал с количеством, перемешал шампанское, коньяк и водку. Соня все время была рядом, молчала, с любовью смотрела на крепкую фигуру мужа, красивую форму, на орден, так по-свойски разместившийся на широкой груди летчика.

Иван вышел во двор, рядом с летним туалетом его обильно вырвало. Стало гораздо легче, но хотелось пить, и он направился в дом. На крыльце дачи стояли Соня и заместитель Папанина – Синельников, молодой руководитель, пришедший на эту должность из боевых летчиков.

– Он теперь не отстанет от вас, Соня, – говорил Синельников. – Я знаю. Это было с моими друзьями. Бедный Иван, он его или возвысит, или тот исчезнет с глаз долой...

– Что вы такое говорите, Станислав Ушерович...

– Я знаю.

Иван, почувствовав, что Синельников пьян, стоял и думал, когда ему объявиться на широком крыльце дачи.

Иван буквально вбежал на ступеньки дачного крыльца:

– Кто с моей женой наедине? С первого раза...

– Ванечка, – сказала Соня, – я тебя искала, жду, замерзла уже.

– Иван, еще раз поздравляю! – Синельников выглядел трезвым как стеклышко. – Жаль, что не героя, как всем... Но это не моя вина. И береги жену... Я пройдусь, подышу.

– Милый мой герой... Дай я вытру тебя платочком, – Соня достала из брюк мужа клетчатый заграничный платок, который она привезла с гастролей и который, по Уставу, нельзя было носить летчику в кармане мундира, развернула его и тщательно вытерла лоб, глаза, щеки и рот Ивана. Прикосновения рук были легкими, воздушными, нежными, Иван чувствовал, как из него уходит злость, обида на весь мир, на Вождя, Папанина, пьяного – трезвого Ушеровича, на то, что не получил звезду Героя.

Не было здесь, в этой обойме, только Сони. Он так любил ее, что боялся даже подумать, что вдруг не увидит свою девочку рядом, на кухне, в постели, в дверях служебного входа

в театр. На жену он никогда не обижался, не злился, он считал ее своим ребенком, которому требовалось постоянное внимание.

И Соня смирилась с таким положением при Иване. Она начинала жить своей старой жизнью только тогда, когда он подолгу зимовал в Арктике, из-за непогоды не мог выбраться домой. Соня возвращалась в квартиру к маме, из которой она не выписывалась, и мать с дочерью вместе пытались сохранить огонь в угасающем домашнем очаге.

Мать не то, чтобы не любила Ивана: она не могла пока осознать, как и почему необразованный, в широком смысле этого слова, молодой человек смог увести от нее единственное сокровище – дочь. Она одна воспитала Соню, назвала в честь великой русской балерины этим именем, прошла ад отборочных конкурсов в балетные учебные заведения. Мать шутила с немногими подругами, что это она закончила балетную школу, а потом и училище, прошла бесчисленные конкурсы и туры и завоевала все призовые места.

Соня была явно неординарной балериной, это понимали и мать, и члены различных жюри и отборочных комиссий. Но не все, особенно после зачисления дочери в балетную труппу Большого театра. Там уже прижились и процветали свои примы и героини, любимцы Вождя и руководителей рангом пониже. Поэтому мать Сони прекрасно понимала, кем бы через 20 лет вышла ее дочь на пенсию: бывшая балерина кордебалета. Она знала о роли друзей Ивана в карьере дочери, о том, что у Сони состоялась после премьеры спектакля встреча с товарищем Сталиным. Это напугало мать Сони – преподавателя английского и немецкого языков индустриального техникума, – где она проработала уже много лет.

Соня смеялась, говорила, что у них теперь есть Иван, и что база у него в Москве, и что он, если что, не дай Бог, сможет содержать их обеих до конца дней. Мама несколько успокоилась, роль и значение зятя в их жизни заметно поднялись и укрепились. На этом компромиссе и строилась вся последующая жизнь и отношения с матерью.

Иван узнал, что на даче дежурят две или даже три машины из Главка, и он решил исчезнуть с глубоко надоевшего застолья. Соня не сопротивлялась, хотя в душе была против: ей все-таки нравилось внимание поклонников.

Машина бесшумно шла по спящему Подмоскovie, шоссе было пустынным, только на въезде в столицу светился несколькими фонариками домик сотрудников дорожной милиции. Машина остановилась на мигающий огонек фонарика, водитель вышел на дорогу, что-то сказал милиционеру.

– Иди врать-то, – сказал молодой, сильно окаяющий сотрудник поста, – так я тебе и поверил...

Иван вылез из машины, одернул китель, не спеша, достал трубку, прикурил от спички.

– Товарищ Афанасьев, – вдруг отдал честь милиционер. – Это точно вы? Разрешите поздравить вас и весь ваш экипаж от имени нашего небольшого, но дружного коллектива. Мы так следили за вами... Ну, за вашим полетом... На Полюс, значит. Скажите, а вы правда видели там живого песка?

– Спасибо, – сказал искренне смущенный Иван. – Да, песка мы там увидели. И огромного белого медведя. Правда, когда уже поднялись в воздух... Он помахал нам лапой.

– Ха-ха-ха-хеёх, – засмеялся милиционер, – скажи кому, не поверят. А ребята спят, отдыхают, значит. Будить их не буду, только уснули.

Помолчали.

– А что за светомаскировка?

– Ночные ученья. Видите, все затемнено. От возможной атаки авиации противника, – отрапортовал патрульный.

– Ну, успехов вам, – сказал Иван, выбил трубку о каблук ботинка, пожал руку милиционеру и быстро влез в машину. Успел услышать:

– Расскажу парням... Не поверят.

– Мой хороший герой, – зашептала Соня прямо в ухо Ивана и положила голову ему на плечо. – Тебе приятно? Скажи, тебе приятно купаться в лучах славы?

– Не шуми, – почти шепотом, сказал Иван. – Приятно... Но мне приятнее в тыщу раз целовать тебя...

И он нашел в темноте ее губы, стал целовать их так необычно, будто слизывал с них варенье.

– Во-первых, говорят тысячу. Во-вторых, где ты так научился целоваться? Как приятно. Будто горячим обдает... Еще так же поцелуй меня.

Соня совсем расслабилась, голова ее раскачивалась в такт движению машины, иногда спадала с плеча Ивана на спинку сиденья. Тогда он брал ее голову свободной рукой и снова укладывал на свое плечо. Он недолго держал руку на щеке и подбородке любимой женщины, тут же опускал пальцы в то место вечернего платья, где за вырезом прятались небольшие упругие груди. Соня сжималась от этого прикосновения, вздрагивала, находила в полной темноте губы Ивана и так страстно целовала их, что иногда ей казалось, что она теряет сознание.

Ночная Москва жила своей жизнью даже при учениях по светомаскировке. Люди спешили на дежурства, к открытию колхозных рынков, машины с горячим хлебом едва ползли, обозначая путь небольшими прорезями на фарах. От Белорусского вокзала до дома Ивана машина ехала более получаса, хотя в обычное время на дорогу уходило 10 минут. Иван весь измучился: он не знал, куда уложить руки, чтобы не касаться Сони. Та тоже была в напряжении от ожидания прикосновений мужа.

В честь премьеры нового спектакля на современную тему и по поводу награждения Сони Сталинской премией ее одну, без мужа, пригласили в Кремль. Она плакала, не хотела идти, знала, что Иван или исчезнет на несколько дней, или напьется до чертиков. Что будет молчать, не разговаривая, до самого отъезда в какую-нибудь внеплановую командировку на Север. Но все друзья как будто чувствовали настроение Сони и постоянно твердили ей: «Не заболейте! Вручение Сталинской премии нельзя пропустить».

И вот Сталин увидел грусть в глазах любимой актрисы. Он повернулся к Берии:

– Лаврентий Павлович, надо найти этого таинственного сокола, из-за которого у Сони такие грустные глаза...

Ответ был скор:

– Найдем, дорогой Иосиф Виссарионович!

Папанин, мгновенно протрезвев, выскочил незамеченным из зала приемов, добрался до телефона, связался с дежурной частью Главсевморпути.

– Срочно, – орал он в трубку, – засранцы!! Афанасьева сейчас же убрать на самую дальнюю точку! СА-МУ-Ю!!! До моего особого распоряжения. Теперь все это оформи задним числом под грифом «Совершенно секретно» и спрячь. Если просочится куда-то информация, головы вам поотрываю.

Берия опоздал на несколько часов. Если бы Ивана не убрали три часа назад с базы на окраине столицы, не погрузили в самолет и не отправили в Архангельск, он оказался бы в руках Лаврентия Павловича. Затем штурмана перевезли на остров Рудольфа, а потом – на острова, полуострова, мысы и мысочки, где 11 месяцев зима с пургой, а остальное время – лето. Короче, в Москве Иван не появлялся два года. Соня знала, что случилось, они пересеклись с Папаниным и тот все рассказал.

Она стала солисткой сразу трех спектаклей, ее приглашали на приемы в Кремль как самую молодую Заслуженную артистку Республики. Об Иване никто и никогда не вспоминал и не спрашивал.

А тот последнее время сидел на Чукотском аэродроме, выводил суда из ледового плена. Отрастил бороду, заматерел, стал еще мужественнее и красивее. О Соне ни с кем и никогда не заговаривал. Только раз прилетевший туда Папанин вскользь сказал, что Соня будет на гастролях в Америке.

Иван ушел бы, точно дошел бы до Аляски, но он также точно знал, что погубил бы Сою...

Он попросил Папанина:

– Скажите ей: я дышать без нее не могу.

И тот слово в слово передал фразу Соне.

Миллионщики

Руки впились в обструганные рукоятки, старый отцовский ремень наброшен на шею. С ним отец прошёл всю войну. Теперь засаленная, но прочная парусина служит по хозяйству, ремень привязан к тачке. Резкий толчок, усилие, и самодельная тележка покатила по бульжнику, громыхая литым чугунным колесом. Улица ещё спит. С реки поднимается клочковатый холодный туман. Солнце встало, но чувствуется, что день будет ветреным, нежарким. «Хорошо, что надели душегрейки, – тепло думает Серёга о зелёных безрукавых стёганных курточках. – Мама – фантазёрка, придумает же – душегрейка»

– Куда вас понесло, ни свет ни заря? Громыхаете, всех чертей побудите... – Дядя Коля не ругается, ему приятно, что такие трудолюбивые пацаны растут у Маруси, соседки по улице. Жаль, отец ушёл после войны рано. – Езжайте по земляной колее: и вам удобнее, и людям – не в наклад.

– Спасибо, дядь Коль! – Ответил звонким голосом младший из мальчиков – Мишка. – Мы на свалку. Костей надо собрать. Утильщик обещал принять у нас с утра, у первых.

– Чо ты разорался-то, – одёрнул брата Серёга, – свалка, свалка... Поори, на всю улицу, щас, мигом все набегут, у утильщика и денег не останется. – Старший из братьев резко свернул на крупный утрамбованный как асфальт песок, колесо затихло, раздавалось лишь шуршание песчинок.

Переехали, умело лавируя между шпалами, трамвайные рельсы, потом нырнули в туннель под железнодорожной насыпью, ведущую на мясокомбинат. Дальше раскинулось царство барачных королей и их подданных. В войну и после неё семья Сергея и Мишки жила во втором бараке. Мама работала дояркой на комбинате, несколько дней до забоя скотины она кормила стадо, доила коров, сдавала молоко в столовую. Дети знали, что в войну семья из пяти человек, отец до тяжёлого ранения воевал почти четыре года, выжила благодаря маме: ей выдавали в день полведра картофельных очисток и банку молока, которое она сама и надаивала.

Мишки тогда, конечно, не было, но Серёга помнит, как ждал прихода мамы: от голода у него сводило живот, а к горлу то и дело подкатывала тошнота. Хлеба почти не видели, из очисток мама варила огромную кастрюлю похлёбки и пекла тонкие блины (забойщики скотины совали ей в карманы халата, зная о четырёх маленьких детях, срезки жёлтого нутряного жира). Вот праздник так праздник, но он выпадал раз в неделю, когда маме давали отдохнуть день. И в ночь она снова отправлялась к стаду, а утром – опять дойка, кормление животных. И всё на себе, вручную, возила воду и корма на двухколёсной тележке. От постоянных доек пальцы на руках разбухали, немели, мама не могла удерживать мелкие предметы. Поэтому кружка под чай – литровая, ложка деревянная, тяжеленная, до войны отец собирал ею мёд в бидонах на пасеке в деревне, где жил двоюродный брат.

Бараки прошли стороной, возле грязно – коричневого четырёхметрового забора, отделяющего комбинат от жилпосёлка. На двух улицах – тишина, даже бабки, страдающие бессонницей, не сидели на утеплённых старым войлоком скамейках возле длинных серовато-чёрных строений.

– Пока везёт, – сказал нетерпеливый Мишка, – никого!

– Да, заткнись ты! Накаркаешь беду, разбудишь кого-нибудь. – Серёга верил в Бога, ходил тайно с бабушкой в церковь и носил крест. – Господи, спаси, сохрани и помилуй нас...

– Стоять! – Команда последовала неожиданно из кустов лебеды, которые прикрывали забор на полтора-два метра. – Ко мне! – Голос мужской, грубый, даже очень грубый, как в трубе: так эхом отзывается подземный туннель.

Серёга понял: надо подчиниться, остановил тачку, снял ремень с шеи, прошёл два шага к лебедке, стоял по колено в свежем зелёном молочае. Увидел в кустах нестарого человека, лежащего на боку.

– Ты, дядь, чо, случилось что-то?

– Подходи ближе... Не дрейфь. Я споткнулся вчера вечером, упал, уснул. Вот очухаться не могу. И до тележки не могу доползти.

И тут Серёга понял: перед ним в траве лежит инвалид без обеих ног. Ни встать, ни скоординировать движения не может... Всё у него получается, как у Ваньки-встаньки: он обопрётся на культы ног, а туловище опрокинет его на спину.

– Помогите мне, сынок, у забора стоит моя коляска, попробуй вытащить её, малого позови, вдвоём буде полегче.

Серёга кивнул Мишке, они пробрались сквозь заросли чертополоха, не спеша, шаг за шагом вытаскивали трёхколёсную инвалидную коляску с механическим управлением в виде ручных рычагов. Толкаешь рычаги вперёд-назад, они соединены с колёсами, и тележка едет. И даже скорость можно развить приличную: мальчишки видели на рынке, как два-три пьяных инвалида на спор устраивали гонки.

Подвезли коляску, мощными ручищами инвалид облокотился на их плечи, выждал секунд пять и сильно-пресильно бросил тело вверх. Как смогли, братья помогли ему. Но главное, что им удалось, они удержали его в равновесии. Он сумел-таки попасть на дерматиновое вытертое сиденье коляски. Тут же перехватил культы ног широким солдатским ремнём, перевязал их туго-натуго, распластался по сиденью широкой спиной и задышал медленно и глубоко.

– Ну, что, соколики, спасибо... Как звать-то?

Ребята назвали по именам, молчали, готовые в любую минуту улизнуть.

– Зовут меня дядя Петя, работаю сторожем на свалке... Вчера немного перебрали, не обращайте внимание. А вы куда намылились, за костями, небось? Берите с краю, мелкие, если кто наедет, скажите: мол, от дяди Петра идёте. Ну, бывайте, поеду пожру да помыться малость надо. – Он выехал на дорогу и энергично заработал рычагами: коляска зажужжала плохо смазанными подшипниками.

Мальчишки боялись барачных пацанов пуще милиции и сторожа, присматривающего за свалкой. Те здесь – короли, это их территория. Они монополизировали сектора крупных и мелких костей животных, которые ежедневно подбрасывали в вагонетках по узкоколейке рабочие мясокомбината. Кости сдавали в утильсырьё машинами, по несколько штук в день. Хвостами и костями грудной клетки животных занимались взрослые мужики: спившиеся рабочие комбината, опустившиеся на дно жители большого посёлка. Сначала они приходили утром на свалку, получали наряд на работы, разводили костры, коптили скелеты свиней и коров, счищали нагар на обрезках мяса и сдавали «копчёные деликатесы» приёмщику из барачной мафии. Тут же получали деньги или водку, напивались, засыпали, день путали с ночью, костры чадили и коптили, палёная водка и самогон лились рекой.

Потом вовсе перестали уходить со свалки, превратились в рабов барачных баронов. Жили в землянках, купались, изредка мылись-стирались в рядом протекающем ручье, пили эту воду, мастерили собственные самогонные аппараты, гнали сивуху, снова пили, пели, дрались, убивали друг друга... И всё делалось тихо – мирно, без вмешательства милиции. Женщины из бараков продавали на колхозном рынке большого посёлка копчёные кости, за копейки можно было полакомиться непревзойдёнными по вкусу мясными обрезками. А студень из лодыжек, хвостов и хрящей животных превосходил по вкусу ресторанный студень. За противнями с холодцом выстраивались очереди ещё до приезда на лошадях жителей бараков. Чистые белые фартуки, нарукавники, алюминиевые широкие ножи для резки студня, весы с корытцами из выкрашенного магния, улыбки и прибаутки беззубых красавиц – всё это

приносило десятки тысяч рублей прибыли. Свалка – большой механизм по зарабатыванию денег, отлаженный, как часы. Он не терпел посторонних рук, глаз, живых свидетелей.

За забором шла широкая дорога в центр свалки. Серёга с Мишкой, конечно, свернули направо, едва заметной тропинкой покатали к дальним участкам. Там и кость старая, мелкая, вымазанная грязью и торфом: такой приправой, смешанной с ДДТ и ядом для крыс, боролись с полчищами грызунов и других паразитов. И народу здесь практически не бывает. Мальчишки, естественно, не знали, что неделю назад этот участок стали осваивать заново, провели узкоколейку, рабочие повезли на выселки самые крупные кости забитых животных. Когда братья подъехали к большому, но мелкому оврагу, обомлели: по краям узкоколейки горами лежали жёлто-белые кости тазобедренных суставов, лопаток, огромные с хрящами лодыжки коров и лошадей. Они слышали, что в Казахстане – дикая засуха, и табун из тысячи лошадей привезли на мясокомбинат.

Серёга первым очухался, начал разворачивать тачку, решил, от греха, уйти по краю оврага дальше к лесу и ручью. Мишка вцепился в руку брата, зашептал:

– Мы чуть – чуть, пять-шесть лопаток положим, присыпим травой, сверху мелочи навалим, никто и не заметит...

– Прибьют! Отцепись, дурачок, не понимаешь, что ли, чем это для нас может кончиться?! Нас землёй присыплют.

Мишке трудно понять рассуждения брата, но тот в шестом классе учится, авторитет для второклашки. И ещё Мишка очень любит своего старшего брата: тот всегда защищает его от наглых и сильных пацанов из других классов. И всё-таки не удержался Сергей, поднял пяток самых крупных костей, бросил на дно тачки, нарвал пахучей лебеды и закрыл ею груз. Они развернулись и, не спеша, стали выбираться по пологому спуску. Опоздали выйти на дорогу: на кромке оврага стояли шесть пацанов от десяти до пятнадцати лет, курили, делали вид, что не замечают братьев.

– Ой, хтой-то к нам в гости пожаловал? – Начал дурачиться старший, единственный из всех, на котором обуты белые тапочки. – А вы думали нас и нету? А мы – вот они, тутотки... Чо в тачке-то схоронили?

Серёга молчал, понимал: будет показательная порка, поэтому, что бы он ни говорил, ни веры, ни пощады не жди. Пошёл ва-банк:

– Нам дядя Петя разрешил пару костей взять... Мы ему помогаем сторожить.

– Ха-ха-ха, – заржала дружно компания, – им дядя Петя культами из кювета помахал. Идите, мол, забирайте самые здоровенные кости, сдавайте, получайте денежки и будьте миллионщиками. Видели его в кювете лежачим? Мы видели. Он ещё три-четыре часа проспит... После вчерашнего бухала.

– Неправда, – не унимался Сергей, – мы помогли ему в коляску залезть, он поехал поесть и снова вернётся сюда. А нам приказал взять немного костей и дождаться его. Они кореша с нашим отцом, вместе воевали в танковых войсках.

– Ты за кого нас держишь, салажонок?! – Начал накручивать группу старший. – Мы из бараков, это наша свалка, наши запасы... Кто на нас мазу тянет, тот фраер! Мы его будем больно бить, резать и жечь. Гроши есть? Можете откупиться, только сразу, не в долг. Тачку нам оставите, куртяжки сымайте, сапоги резиновые... Нам всё сгодится здесь.

Серёга взял брата за руку, успел посмотреть в глаза, успокоил, второй рукой стал снимать с него душегрейку. Тихо говорил:

– Сапоги сам снимай, но потяни до выхода из оврага... Будем драпать. Если что, беги до наших, скажи пацанам. Может, дядю Петю увидишь, пожалуйся ему.

Серёга отпустил руку брата, подошёл к старшему по возрасту пацану и, передав две куртки, начал снимать старые обрезанные отцовские сапоги. Мишка первым снял резиновую

обувку, бочком-бочком почти обошёл компанию. А те смотрели на униженного Серёгу, ржали. Один худющий и подкашливающий без конца пацан содрал с рукояток на тачке ремень, предложил связать руки Сергею. И уже вплотную подошёл к мальчишке, как получил сильнейший удар в печень, скрючился от боли, упал на землю и кряхтел, не мог выговорить ни слова. Мишка видел, как ударом в челюсть брат свалил старшего пацана с ног. На него набросились остальные, повалили на землю, двое вязали ремнём ноги. Серёга отбивался, но силы покидали его. Он поднял голову, нашёл глазами брата, закричал:

– Беги! Сильно беги! Найди наших...

Мишка ещё несколько секунд стоял в нерешительности: он не мог бросить брата. Но понял: сейчас и его скрутят, тогда точно никто не узнает, что убили их на свалке. Он рванул так, что засверкали голые пятки. Не прошло и минуты, как его фигурка скрылась за поворотом высоченного забора. Один из барачных бросился за мальчишкой, но где ему угнаться за вихрем в поле.

Мишка, не чувствуя усталости, добежал до первого барака, остановился, стал искать инвалидную коляску. Рядом – вход во второй барак, коляски опять не видно. Подошёл к стенке кирпичного туалета, облокотился руками на шершавую штукатурку: его вырвало, наверное, от пережитого страха и такого быстрого бега. Поискал глазами колонку с водой, не нашёл, вытер ладонями рот и побрёл к другим баракам. Возле четвёртого жилища увидел у широких ступенек, ведущих на веранду, коляску. Видимо, с них дяде Пете легче взбираться на сиденье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.